

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2015-3-39-47

Григорев Е.В.*Барнаульский юридический институт МВД России***УРОВНИ ОСМЫСЛЕНИЯ КОНСЕРВАТИЗМА**

Аннотация. В статье консерватизм рассматривается как феномен, анализ которого можно вести на различных уровнях. Автор признаёт возможным логическое, онтологическое, гносеологическое, психологическое, деонтическое, праксиологическое, теоретическое, политическое и историографическое осмысление консерватизма. Получает обоснование необходимость строгой дифференциации таких понятий, как «принцип сохранения», «консервативность», «консервативная идеология», для прояснения сущности консерватизма. В заключение формулируется вывод о возможности существования теоретического и политического уровней только при наличии универсального содержания консерватизма.

Ключевые слова: консерватизм, консервативность, принцип сохранения, историография, уровни осмысления.

Ye. Grigorov*Barnaul Law School, Russian Ministry of Internal Affairs***THE LEVELS OF REGARDING CONSERVATISM**

Abstract. Conservatism is treated in the article as a phenomenon the analysis of which is possible to conduct on different levels. The author admits the possibility of logical, ontological, epistemological, psychological, deontological, praxiological, theoretical, political, historiographic interpretation of conservatism. The necessity of exact differentiation of such terms as “the principle of preservation”, “conservative”, “conservatism” is stated in order to clarify the nature of conservatism. The conclusion is made of possible theoretical and political levels of analysis if only conservatism is treated universally.

Key words: conservatism, the principle of preservation, historiography, levels of understanding.

Проблемы выявления сущности консерватизма, связанные с его историческими формами, с его противопоставлением либерализму, с семантическими трудностями [8], привели к тому, что целый ряд исследователей пытаются перенести анализ консерватизма с уровня политической идеологии на другие (философский, мировоззренческий, гносеологический) уровни реальности. Так, например, К. Мангейм утверждал наличие «естественного» консерватизма (традиционализма) как психологической склонности человека вообще [13]. А.А. Галкин считает, что есть функциональный, поведенческий и идеологический консерватизм [5], А. Кустарев пишет о трёх модусах консерватизма: умонастроение,

артикулированный нарратив и партийная программа [12]. Для В.Э. Багдасаряна консерватизм лишь средство, инструмент, а не идеология [2].

Одним из способов решить проблему аморфности и разноуровневости консерватизма в литературе выступает попытка его типологии [3; 6; 9; 11; 12; 13; 18]. Выделяют традиционалистский, реформистский, революционистский, либеральный, фундаментальный, радикальный, феодальный, пантеистический, динамический, системный, антисистемный, косный, творческий, методологический, культурный, экономический, аристократический, технологический, антропологический, контрреволюционный, постмодерный, реставрационный, тоталитарный, посттоталитарный, ценностный, структурный консерватизм. В качестве типов консерватизма называют: традиционализм, «консервативную революцию», ордолиберализм, неоконсерватизм, либертарианство, правых, «новых правых» и др. И это далеко не все выделяемые в литературе типы. Как видно из приведённого перечня, данный способ трудно считать удачным.

Мы разделяем стремление вывести анализ консерватизма на философский уровень, но хотим отметить и его опасность. Смешивая различные плоскости бытия, исследователи не только не проясняют суть консерватизма, но скорее ещё сильнее запутывают и без того непростую ситуацию с определением сущности консервативной идеологии. Чтобы социально-философский анализ консерватизма помог нам выяснить существенные признаки этой идеологии, необходимо строго разграничить уровни его осмысления.

С какой бы точки зрения мы ни смотрели на мир, в рамках какой бы философской системы ни находились, мы с необходимостью принимаем существование особой категориальной реальности – реальности чистых понятий. Эта реальность может признаваться первичной и объективной, как в философии Платона или Гегеля, она может быть априорным условием только трансцендентального или феноменального мира, как у Канта или Гуссерля [19, с. 299], она может распознаваться через понятие *врождённых идей* Декарта или *гносеологического психологизма* эмпириокритиков, но даже у материалистов она имеет особый статус. Закономерность действительности и возможность её познания предполагает наличие в ней структур, соответствующих понятийному мышлению человека.

На этом абстрактном логическом уровне такие понятия, как «бытие», «движение», «покой», «изменение», «развитие», «сущность», «качество», составляют особую систему, логическую структуру мира и, в какой-то степени, предшествуют нашему специфическому человеческому способу существования. На этом уровне принцип сохранения не только выступает в качестве одного из основополагающих диалектических принципов наряду с принципом изменения, но и по своей сути выявляет природу Бытия как такового. *Быть* значит ‘сохранять себя в своём качестве’, ‘быть тождественным самому себе’. Принцип сохранения – это принцип удержания самого себя в своей самости. Это принцип, который, применяясь к любому моменту бесконечного *Ничто*, превращает его в *Нечто*. Или же, если мы против онто-

логизации *Ничто* [26], любое *Нечто* содержит в себе момент сохранения. Изменение вторично. То, что изменяется, прежде всего должно «быть» – удерживать себя, сохранять себя. Любое развитие предполагает накопление количественных изменений (приобретение и сохранение) для последующего изменения качества, что фиксируют, например, закон «перехода количественных изменений в качественные» и категория скачка. Принцип сохранения лежит в основе всей архитектуры Бытия. Он является неотъемлемой чертой мироздания. На этом логическом уровне принцип сохранения не может оцениваться, представляться в виде ценности или антиценности. Здесь он вне аксиологии, вне субъекта, вне значения. Здесь он проявляется как фундаментальный принцип, без которого мы не можем ничего мыслить в качестве существующего.

Будучи одним из главных принципов и законов Бытия, принцип сохранения проявляется во всех процессах и явлениях действительного мира, как в материальных, так и в духовных его планах. Эта его реализация не в логическом, а в действительном смысле представляет собой второй, онтологический, уровень, на котором пытаются осмыслить понятие консерватизма. На этом уровне принцип сохранения реализуется как процесс, он вступает в пространство и время. Его сущность связывается с понятием количественных параметров с «от сих до сих» любой вещи, любого явления. В мире, где «всё течёт», где «нет вещей, а есть процессы», каждая самость является постоянно изменяющимся набором признаков в строго ограниченных рамках, выход за которые превращает самость

во что-то другое. Принцип сохранения – это процесс удержания границ, защита «генома» вещи. Эволюция природы, общества и сознания, появление новых форм бытия возможны только в результате накопления изменений в пределах исходного качества. Однако уже на этом уровне принцип сохранения теряет свою абсолютность и безусловность. Это проявляется в скачкообразных мутационных изменениях. Но всё же любая мутация происходит в среде, условия которой делают данную мутацию возможной. В каждом процессе кроме обновленческих сил есть и силы сохраняющие.

Мы считаем, что для этих уровней реальности (логического и онтологического) слово и понятие *консерватизм* являются инородными. Обосновывать социальный или политический консерватизм отсылкой на эти уровни можно лишь в том случае, если мы считаем, что в диалектической паре «сохранение – изменение» первый член имеет привилегированное положение, что противоречит самой сути диалектического единства. Самое большее, что мы можем сказать, – то, что принцип сохранения выступает основой для возможности социально-философского консерватизма, но в то же время принцип развития будет основой социального обновленчества, а принцип скачка – основой социальной революции.

Третий уровень, на который переходят исследователи в попытках укрепить политическую идеологию консерватизма, – это уровень гносеологии [1; 14; 17]. Анализируя структуру мышления, некоторые авторы пишут о его особом типе, стиле, способе, образе, которые определяются

как консервативные. К. Мангейм, например, характеризует этот стиль через понятие конкретности мышления [1], а А.Г. Дугин – через предпочтение операции дифференциации, различения [9]. Консерватизму на этом уровне соответствует стиль рефлексии, часто определяемый через понятия плюралистичности, адогматичности, иррациональности. И хотя работы такого рода высоко ценятся в социологической и политологической литературе, особенно очерк К. Мангейма «Консервативная мысль» [14], они базируются на спорной идее о существовании у представителей разных социальных групп, политических партий различных форм, типов, структур сознания. В них, по сути, отрицается единство человеческого мышления. Иными словами, например, либерал и консерватор принадлежат к разным видам разумных существ. И, наверное, можно разработать соответствующий тест, по результату которого каждого человека будет легко определить в лагерь консерваторов, социалистов, либералов и т.п.

Далее мы переходим на четвёртый (психологический) уровень, где консерватизм трактуется как определённое умонастроение, душевная (психическая) предрасположенность, психическая тенденция, состояние души. Здесь консерватизм, например, у М. Оукшотта, это предпочтение привычного новому [1]. Размышляя в данных категориях, обращают внимание, например, на радикализм молодёжи и на умеренность стариков. Пишут об отрицании неизвестного, вызванного страхом перед ним. Говорят о конформизме и о привычках, которые, как известно, представляют собой «вторую

натуру». Это уровень биологической, животной, телесной стороны человека (инстинкты, привычки, дрессировка).

В ситуации, когда это состояние превращается в осознанную жизненную позицию, в моральную убеждённость, мы оказываемся на деонтическом (пятом) уровне осмысления консерватизма. Здесь биологическое трансформируется в социальное. Инстинкты становятся ценностями, что отражено в известном изречении: «Всё, что естественно, то не безобразно». Это уровень, где психологическое состояние стало основой представлений о должном: «Тише едешь – дальше будешь»; «Лучшее – враг хорошего»; «Поспешай медленно». Это уровень здравого смысла.

Шестым уровнем будет уровень реализации консервативного стиля мышления, состояния души и жизненной позиции в практической жизни. Это поведенческий, праксиологический уровень проявления консерватизма. Можно быть консерватором в одежде, привычках, еде и т.д.

Для этих трёх уровней (психологического, деонтического и праксиологического) более подходящим и правильным термином будет термин *консервативность*, а не *консерватизм*. Эти уровни отражают субъективное отношение к миру, мироощущение, а не миропонимание. Эту консервативность можно обнаружить у идеологов любых политических концепций. Ирвинг Кристал писал: «Неоконсерватор – это либерал, схваченный за горло реальностью» [10].

Седьмой уровень – это уровень «артикулированных консервативных нарративов» [12]. Этот теоретический уровень состоит из ряда конкрет-

ных форм реализации теоретических знаний: а) социальная философия; б) политическая философия; в) политическая теория; г) социально-политическая идеология.

На следующем (восьмом) уровне – уровне конкретной политики – консерватизм представлен как политическая платформа, партийная предвыборная программа, совокупность социально-политических практик.

Седьмому и восьмому уровням соответствует наиболее распространённое понимание консерватизма как социально-политического явления. На теоретическом и политическом уровнях никакое ситуативное определение консерватизма невозможно (поскольку сами эти уровни есть реализация содержательного отношения к консерватизму), здесь ситуативное определение – это форма отказа признавать консерватизм в качестве самостоятельного направления. На этих уровнях конкретные идеологии и будут конкретными идеологиями, которые можно группировать по сходству их содержаний, но нельзя объединять в группы теорий с противоречащими друг другу признаками. На этих уровнях взгляды Н.М. Карамзина никогда не окажутся в одной группе с политической неоконсерваторов. Но также нужно учитывать, что здесь консерватизм никогда не может быть представлен в чистом виде, особенно это касается уровня политических программ. Формулируя содержание консервативных теорий и идеологий, их авторы включают в них признаки, руководствуясь политической конъюнктурой и ожиданиями масс. Принципиально важным является то, что если отказаться от самостоятельно существующего на этих

уровнях консерватизма, то нужно будет отказаться и от существования самого принципа распределения анализа консерватизма по каким бы то ни было уровням. Если нет теоретического консерватизма, нет и самой проблемы «общего» консерватизма. Однако анализ именно такого консерватизма привёл нас к выделению всех этих уровней. Вся историография, посвящённая проблеме консерватизма, в этом случае превращается в грандиозную мистификацию, поскольку стала следствием ошибочного предположения о существовании единого консерватизма. Если бы такой ошибки не было, то историография была бы посвящена исследованию конкретных идеологий без ненужных попыток связать их в одно целое, из работ, посвящённых взаимодействию обновленческих и сохраняющих сил в любой концепции, из работ, посвящённых проблемам консервативности и принципу сохранения. Иными словами, исчез бы весь корпус работ, выясняющих сущность консерватизма. Нужно будет признать, что консерватизм есть историографический феномен, который появился в результате размышления над несуществующим явлением. Поэтому часть историографии, посвящённой консерватизму, не имеет никакого отношения к политической действительности, она самоценна и самодостаточна, она производит саму себя.

Понятно, что такая позиция слишком радикальна для большинства исследователей, поскольку предполагает отказ от значительной части проделанной интеллектуальной работы нескольких поколений учёных. К тому же, и мы считаем это очень важным, каждый исследователь консерватиз-

ма, даже отрицающий возможность существования его в качестве единой целостной теории, не перестаёт пользоваться этим понятием, что, возможно, объясняется интуитивной тягой к универсализации данной идеологии. Вследствие этого, несмотря на наличие пока не преодоленных трудностей, многие исследователи консерватизма считают, что возможность содержательного определения существует. Утверждать, что есть теоретический и политический уровни существования консерватизма, – значит признавать наличие у него универсального содержания.

Исходя из сказанного, нужно учитывать ещё один (девятый) историографический уровень. Консерватизм в качестве историографического феномена приобрёл известную самостоятельность и может уже рассматриваться как особая саморазвивающаяся система, как единая монолитная традиция. И не важно, что кто-то пишет о Карамзине, а кто-то о Хайеке; важно, что все эти работы постоянно осмысливаются всеми исследователями консерватизма и составляют особый интеллектуальный фон, в рамках которого развивается консервативная мысль. Важно также, что историография носит научный характер [16]. Будучи по своей природе рациональной, наука выработала строгие критерии научности, следование которым стало обязательным для любых исследований. Наука, по сути, стала единственной приемлемой (общественно-признанной) формой знания. Критерии научности проникли во все сферы духовной жизни общества. Их можно обнаружить не только в близкой науке философии, но даже в искусстве,

мифологии и религии. Естественно, это относится и к политической сфере общества. Любая современная идеология обязана быть и научной теорией. И если реальные политические деятели ещё могут, руководствуясь конъюнктурой, использовать идеи независимо от их идеологической идентификации, то уже их политические консультанты, политтехнологи и политологи в полной мере связаны законами и правилами развития научного знания; они не только дают практические советы, но и разрабатывают целостные политические концепции. Ещё в большей степени это касается учёных-теоретиков или политических философов, непосредственно не связанных с конкретной политикой. Для них проблема политических идей является скорее проблемой историографии, в которой более существенно то, как появились и как развиваются те или иные политические теории, чем то, какое практическое значение они имеют сегодня. Однако «традиции в науке передаются иначе, чем в искусстве, философии или религии» [25], тем более иначе, чем в социальной и политической жизни.

Исследуя проблемы консерватизма, мы сталкиваемся не только с проблемами его содержания, сущностных характеристик, но и с проблемами его существования в качестве научной теории, причём этот теоретический аспект на протяжении XIX–XX вв. превратился в основной. Дрейф консерватизма в сторону всё большей абстракции представляется нам следующим образом: политическая практика → политическая идеология → политическая (научная) теория → историографический феномен. На последнем этапе мы изучаем уже не сам консерватизм, а то, как

его понимали наши предшественники, поэтому консерватизм в этих исследованиях вообще лишён каких-либо существенных черт и представлен на наиболее высоком уровне абстракции, как предмет исследования политических историков, социологов, философов, т. е. консерватизм – это то, что изучают учёные. Количество именно таких работ в последнее время растёт быстрыми темпами. В них проблема определения консерватизма тесно связана с собственно научным анализом терминологии, который имеет ряд особенностей. Во-первых, научное знание требует чёткого определения понятий; во-вторых, содержание понятий изменяется с развитием науки; в-третьих, изменение системы понятий и изменение соотносимых с этими понятиями явлений не всегда совпадает. В общем, изменение теории идёт по своим законам, не соответствующим законам политических и социальных процессов. Например, изменение научной методологии всегда приводит к изменению теоретического знания, но не вызывает социальные изменения напрямую. Именно в рамках исследования консерватизма, как историографического явления, происходит усложнение понятийного аппарата, разные термины могут характеризовать одно и то же политическое явление, и, наоборот, одним термином называют явления, нередко противоположные по смыслу. Итак, современная наука имеет дело с консерватизмом как историографическим феноменом, только в этом качестве можно считать таких разных политических деятелей, как Ж. де Местр и Р. Рейган, представителями одной идеологии, поскольку их деятельность осмысливается одной историографи-

ческой традицией. Но если мы возьмём существенные признаки политических концепций, то даже признанные «отцы консерватизма» Э. Берк, Ж. де Местр и Н. Карамзин в рамки общей идеологии не вписываются.

Находясь в пространстве историографии, учёные пытаются синтезировать общее понятие консерватизма из совершенно различных концепций, что и является причиной появления идеи о невозможности содержательного (идеационного) определения консерватизма. Историография замыкается в себе и начинает воспроизводить саму себя, порождая новые синтезы, новые концепции, новые определения. Историография становится закрытой операциональной системой с собственным языком и методом. Над ней нужен второй наблюдатель, который сможет отделить консерватизм как социально-философскую доктрину, политическую идеологию и конкретную политическую практику от консерватизма как историографического феномена.

Итак, проведённый анализ позволяет нам утверждать, что постоянные попытки вместить в рамки артикулированного консерватизма консервативность и принцип сохранения вызывает основные проблемы идентификации консерватизма и представление о его аморфности и неопределённости [20; 22; 24], о его неуниверсальном характере, о его развитии, мутации, деформации.

Принцип сохранения, будучи фундаментальным принципом бытия (а не только консерватизма, с которым этот принцип отождествляется), способен проявляться на всех перечисленных уровнях. С одной стороны, это приво-

дит к убеждению, что «только философия в целом и социальная философия в частности способны выявить подлинную сущность консерватизма как сложного и многомерного феномена» [22, с. 19], с чем мы полностью согласны. С другой стороны, указанное обстоятельство является причиной смещения определений «консерватизма» этих различных (по онтологии) уровней. Именно с этим связано убеждение, что консерватизм есть внутри любых учений, есть везде [11], что поэтому его нельзя ставить в один ряд с либерализмом и социализмом [23], что это антиидеология [21], что нет теории консерватизма [9], что можно быть либералом в одном отношении и консерватором в другом [4], что так проявляется диалектика охранительного и прогрессорско-освоительного аспектов человеческой деятельности [3]. Смещение же ценностных позиций приводит к выводу о том, что консерватизм больше не тормоз прогресса, а проявление здравого смысла [15] и что он за всё хорошее и против всего плохого [2].

На наш взгляд, только строгая дифференциация понятий «принцип сохранения», «консервативность», «консерватизм» могут прояснить проблему сущности консерватизма [7]. Анализ выделенных нами уровней, в рамках которых ставится вопрос о смысле консерватизма, показывает, что исследователи консерватизма должны оставаться в границах теоретического и политического уровней (седьмой и восьмой). Именно эти уровни породили как само явление консерватизма, так и все связанные с ним проблемы. Именно на этих уровнях сосуществуют несовместимые друг с другом кон-

сервативные теории, именно здесь предпринимаются попытки создать универсальный консерватизм, и именно здесь рождается разочарование, толкающее учёных к ситуативному определению консерватизма. Но это ситуативное определение становится возможным только при переходе на другие уровни, когда учёные подменяют консерватизм консервативностью или принципом сохранения. Если такую подмену не проводить, а мы настаиваем на этом, то нужно либо отказаться от существования единого консерватизма, либо признать наличие у него универсального содержания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андросенко Н. Консерватизм как способ познания [Электронный ресурс] // Золотой лев: сетевой журнал. № 159–160. [1997]. URL: http://www.zlev.ru/159/159_31.htm. (дата обращения: 06.07.2015).
2. Багдасарян В.Э. К дискурсу о консервативной идеологии: аппаратный консерватизм [Электронный ресурс]. URL: <http://vbagdasaryan.ru/k-diskursu-o-konservativnoy-ideologii-apparatnyi-konservativizm> (дата обращения: 06.07.2015).
3. Богомяков В.Г. К вопросу типологии консерватизма // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 114–121.
4. Вебер А.Б. Различие идеологий – в акцентировке ценностей // Полис. 1995. № 4. С. 44–45.
5. Галкин А.А. Консерватизм в ценностно-идеологической «системе координат» // Полис. 1995. № 4. С. 33–59.
6. Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. 1995. № 4. С. 60–68.
7. Григоров Е.В. Консерватизм и традиционализм: теория и идеология // Вестник

- Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 1 (12). С. 124–134.
8. Григоров Е.В. Проблемы определения консерватизма // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2009. № 3 (6). С. 5–17.
  9. Дугин А.Г. Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория? // Философия права. 2009. № 4. С. 7–15.
  10. Ивин А.А. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/philosophy/Ivin-Aleksandr-Arhipovich-3951> (дата обращения: 06.07.2015).
  11. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы «круглого стола») // Полис. 1995. № 4. С. 33–59.
  12. Кустарев А. Консерватизм и ... консерватизм [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас: сетевой журнал. 2010. № 1 (69). [1998]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_69/5541-konservatizm-i-konservatizm.html (дата обращения: 06.07.2015).
  13. Маннгейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 135–146.
  14. Маннгейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 126–138.
  15. Портяков В.Я. Консерватизм как позиция здравого смысла: восточноазиатский опыт // Полис. 1995. № 4. С. 55–56.
  16. Равочкин Н.Н. Проблема восприятия идеологии как типа духовного освоения действительности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 1. С. 61–67.
  17. Ремизов М.В. Введение в эпистемологию консерватизма [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/politics/20030117-rem.html> (дата обращения: 06.07.2015).
  18. Ремизов М.В. Опыт типологии консерватизма // Логос. 2002. № 5–6. С. 26–46.
  19. Слинин Я.А. Эдмунд Гуссерль и его «Картезианские размышления» // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 752 с.
  20. Солонин Ю.Н. Консерватизм: актуальность проблемы // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сб. статей. Вып 1. / Санкт-Петербургский государственный университет; под ред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 6–13.
  21. Степанова Н.М. Консерваторы: способность изменяться, оставаясь собой // Полис. 1995. № 4. С. 56–57.
  22. Тарасов О.И. Консерватизм: проблема терминологической неопределённости // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4 (1). С. 18–23.
  23. Толстых В.И. Портрет консерватора: мировоззренческое противостояние на уровне абсолютов // Полис. 1995. № 4. С. 38–40.
  24. Шамшури В.И. «Концепция Фрасимаха» и социально-политический опыт консерватизма // Социс. 1994. № 5. С. 103–110.
  25. Шкуратов В.А. Историческая психология [Электронный ресурс]. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Schkur/03.php (дата обращения: 06.07.2015).
  26. Эпштейн М. Двойное небытие или мужество быть. К философии неустойчивого вакуума // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 28–43.